

Мария Тереньева-Катаева

"Как это было" - автобиографическое воспоминание

Оригинал здесь: <http://www.geocities.com/SoHo/Hall/7820/teren/>

Река времени мчится то в солнечных бликах, то в безысходной грозовой черноте, и уносит легкие как воздушные струи наши радости - и каменно-тяжелое горе.

Волной мировой войны и революции подхватило меня из уездного захолустья и влекло в телегах и теплушках по дорогам страны до самого ее сердца - Москвы. Комсомольские годы высоких идеалов и само отверженной мечты...

Стремительном походкой на семнадцатом году жизни вошла я в красивое здание Литературного института на Поварской. Прочитала на первом собеседовании своих любимых поэтов - Блока, Маяковского, Верхарна - и свои стихи, была принята без справок и аттестатов, которых у меня и не было. В институте изучали истории мировой литературы, языковедение и другие важные науки, но больше всего там жили и бредили стихами. Все дружно готовились к зачетам, выступали в печати с первыми рассказами к стихами; лавиной прорывались в Политехнический на литературные вечера; взявшись за руки, ходили шеренгой по улицам, скандируя "Левый марш" Маяковского или "Двенадцать" Блока. Атмосфера увлечения поэзией и скрытой влюбленности друг в друга царил среди нас. Заходил и студент экономического факультета МГУ, молодой журналист, писавший рассказы и очерки, Иван Катаев. Я часто видела его совсем еще юношеское лицо и сдержанную добрую улыбку.

Как-то мы шли вдвоем по улице, вечерняя Москва окатывала прохладой и покоем. Проезжали извозчики, ритмично постукивали копыта. Катаев говорил о классиках - о Достоевском, Толстом: "Это не просто писать как чувствуешь, как велит совесть. Но мы в "Перевале" к этому стремимся..." Я знала о "Перевале". Недавно в помещении издательства "Круг" читала перевальцам свои стихи. Кое-кто ругнул меня за неточную рифму, а руководитель группы "Перевал" Александр Воронский похвалил. Некоторые из этих стихов были напечатаны в журналах "Новый мир", "Красная нива"...

Получалось так, что мои встречи с Иваном не ограничивались институтом. В зеленом деревянном домике во Всехсвятском (ныне метро "Сокол"), где жили мои родители, в свободной комнате поселился в то время бездомный товарищ брата по армии, Ефим Вихрев. Я жила в общежитии, но часто бывала у родителей и у Ефима встречала Ивана. Они оба теперь работали в кооперативном журнале "Город и деревня".

Почти сразу за домом начиналось поле, сверкающее чистейшим снегом. Иван учил меня ходить на лыжах, и я часто как ванька-встанька барахталась в снегу. - Комсомольская стихия, ты когда вступишь в партию? - неожиданно спросил Иван. - Зачем мне терять свободу? - ответила я несерьезно. - Ого, это явный мелкобуржуазный индивидуализм, - смеясь, сказал Иван.

Иногда я бывала в маленькой комнатке Ивана в Кунцеве, где стояли старая хозяйская кованая кушетка и некрашеный стол. На нем несколько книжек и большая глиняная собака. - Единственное изящество моей одинокой жизни, - шутил Иван.

Здесь вечерами мы читали вслух многие главы из "Пана" Гамсуна. В раскрытые окна вдруг врзался грохот автобуса на шоссе, а потом тишина казалась еще глубже. И уже тогда я понимала, что в Иване, в этом сдержанном человеке, неизменны душевная чистота, на редкость бережное отношение ко всем людям. У него есть большая цель в жизни. Он отличался от шумного безалаберного круга молодежи, который был мне привычен в институте.

Осенью 1926 года вместе с институтом, расформированным и частично влившимся в Ленинградский университет, я уехала в Ленинград. Я полюбила этот город с его традициями, с поэзией его величественных зданий и соборов. Мы с несколькими студентками жили небольшой коммуной, снимали комнаты в старинной квартире на Васильевском острове. Я занималась в университете и работала в молодежной газете "Смена".

Когда все разъехались на каникулы, я особенно остро почувствовала одиночество. И, конечно, обрадовалась, когда в комнату ко мне вошли, чуть смущенные, Иван и Ефим. Немного поговорили, и мне захотелось показать им Ленинград. Я гордилась городом, как своим открытием. Мы прошли по набережной, любуясь сфинксами над Невой, строгими линиями моста Лейтенанта Шмидта, побывали в безлюдном Летнем саду. Было туманно, временами сеялся незаметный дождичек, белые статуи среди деревьев казались живыми. Нас охватило чувство красоты и значительности этого города, значительности человеческой жизни.